

АЛЕКСЕЕВ А. А.

ЗАДАЧИ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ СЛАВЯНСКИХ
И РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ XI—XVI ВВ.

Изучение истории языка и литературы немислимо без издания текстов, являющихся объектом этого изучения. И хотя изданием текста не заканчивается его изучение, неизданный текст — сколь полно ни было бы его научное описание — нельзя считать вполне изученным. Издание текста является наиболее наглядной формой подачи результатов его изучения.

В рукописную эпоху существования литературных, юридических и другого рода общественно значимых произведений, когда между отдельными копиями существовали расхождения, возникавшие из-за несовершенной техники копирования, только совокупность всех списков (рукописей, рукописных копий) одного произведения могла дать полное представление о тексте в единстве его содержания и лингвистической формы. Во многих случаях, как известно, копирование могло сопровождаться редактированием, охватывающим либо ряд определенных лингвистических явлений, либо содержание значительных пассажей вплоть до общего целого. Тем самым перед современным исследователем при обращении к средневековым рукописям встает вопрос о тождественности текста самому себе, о той мере вариантности, которая допустима и не ведет к потере этой тождественности. Выступая в виде совокупности списков разного времени и разного происхождения, текст оказывается подвержен действию историко-литературного (идеологического), стилистико-эстетического, лингвогеографического (диалектного) факторов, он теряет присущую ему статичность и приобретает динамические характеристики. В результате текст должен быть описан как некоторое единство, динамически изменяющееся с течением времени, а статический его облик в форме архетипа чаще всего может лишь быть реконструирован, поскольку автографы славянских средневековых авторов до нас, как правило, не дошли.

Такие особенности текстов рукописной эпохи предполагают два основных типа издания: 1) издание отдельного списка и 2) критическое издание по совокупности списков. Выбор того или иного типа издания, когда выбор возможен, связан с рядом причин и должен быть сделан с учетом многих обстоятельств как истории самого текста, так и конкретных издательских возможностей. Каждый тип издания имеет свои достоинства и недостатки.

Издание первого типа не имеет альтернативы, если текст сохранился в единственном списке. Для тех текстов, которые представлены несколькими или множеством списков, издание отдельного списка также бывает причинно обусловлено. Прежде всего — особой древностью списка, хронологической близостью его к эпохе архетипа или началу славянской письменности, — таковы издания древнейших славянских рукописей

XI—XII вв., произведенные, как правило, без определения их текстологического положения в истории соответствующих произведений. Более того, издания отдельных списков памятника с богатой рукописной традицией свидетельствуют об отсутствии текстологической теории данного памятника (ср. [1, с. 492]), они могут рассматриваться как подготовительные меры, облегчающие последующее изучение и публикацию памятника по совокупности списков. Нельзя определять текстологическое значение списка его древностью, однако это происходит постоянно, например, с изучением истории славянского Евангелия, поскольку текстологи, вполне естественно, используют прежде всего легкодоступный изданный рукописный материал, т. е. древнейшие списки.

Издание отдельного списка как никакое другое может ставить перед собою задачу точного воспроизведения орфографических навыков писцов, потому этот эдиционный тип обладает особой ценностью для исследования исторической фонетики. Факсимильные издания способны воспроизводить рукопись со всеми ее индивидуальными особенностями вплоть до графики и художественного оформления (см. [2]).

Изданию отдельных списков памятника с богатой рукописной традицией может предшествовать его текстологическое изучение, тогда выбор этих списков будет определяться не их древностью, но местом в текстологической истории. Надо при этом иметь в виду, что текстовые и языковые формы средневековых рукописей могут быть различного происхождения: одни восходят к архетипу, другие вошли в текст в ходе его копирования. Провести стратификацию элементов текста по их происхождению можно лишь путем текстологического исследования и реконструкции истории текста. Глубоким заблуждением поэтому является уверенность в среде лингвистов, что критические издания отвечают только целям литературоведения.

Критическое издание представляет собою более или менее точное воспроизведение одного из списков текста с подведением разночтений по другим спискам. Если целью издания является установление исходного текста (архетипа), основным списком должна быть наиболее близкая к архетипу по своим текстовым особенностям рукопись. Если ставится цель представить текст в его исторической изменчивости, основным списком будет рукопись наиболее типичная, средняя по особенностям своего текста. В зависимости от целей издания выбираются рукописи и разночтения из них для критического аппарата. Для реконструкции архетипа количество разночтений может быть невелико и включать только те, которые способствуют реконструкции. Показать историю текста с богатой рукописной традицией можно лишь в том случае, если из обилия рукописных источников удастся выбрать такие, которые имеют принципиальное значение в качестве основных свидетелей. Издаваем, опирающимся более чем на 10—15 рукописей, пользоваться исключительно трудно из-за громоздкости и плохой обзорности критического аппарата. Это обстоятельство выдвигает особо строгие требования к текстологическому исследованию, поскольку в ходе последнего должна быть обоснована необходимость привлечения конкретных списков для критического аппарата.

Основной список критического издания может быть воспроизведен с дипломатической точностью, позволяющей судить даже об орфографии писца. Критический аппарат, однако, как правило, не может включать в себя орфографических разночтений из-за обилия более важного текстологического материала, и это в известной мере ограничивает возможности

его лингвистического использования. Тем не менее и с этим ограничением он будет полезен для решения широкого круга историко-филологических задач. Важно, чтобы принцип отбора разночтений выдерживался во всех случаях с полной и строгой последовательностью.

Издание должно быть итогом текстологического исследования, только тогда в выборе источников не будет произвола и выявится объективная картина бытования текста во всю ту эпоху, от которой сохранились списки.

Издание делает текст достоянием широкого круга читателей и открывает новую страницу в его научном использовании. Широкие обобщения по истории языка, литературы, культуры возможны лишь на большом материале, прошедшем все стадии первичной обработки. Обилие славянских письменных источников, разбросанность их по различным хранилищам ставит серьезные препятствия на пути овладения письменным богатством во всей его полноте. Правильная и плодотворная филологическая интерпретация рукописного материала возможна лишь тогда, когда исследователю доступны все списки данного текста и известна взаимосвязь между ними, идет ли речь об истории литературы или об истории языка, поэтому прогресс в теоретическом осмыслении истории литературы, письменности, языка зависит от обилия изученных, обработанных и изданных источников.

Если для литературной истории нового времени особое значение отводится изучению черновых вариантов в их отношении к окончательному авторскому тексту, то для эпохи рукописного бытования текстов такое же место должно быть отведено совокупности рукописей одного текста. Вносимые в них переписчиками перемены отражают в конечном счете черты языковой нормы той или иной эпохи, своеобразие восприятия и понимания текста, требования к принципам письма и культурные запросы читателей. Представить этот материал можно только в форме критического издания.

Неизданный средневековый текст существует для современной культуры лишь потенциально, реальное существование обретает текст изданный. Вместе с этим издание текста есть лучший способ его сохранения. Немало рукописей, исчезнувших или погибших, известно нам по своевременно сделанным изданиям (Слуцкая псалтырь XII в., уникальные Никольское евангелие и «Новый завет святителя Алексея» XIV в. и др.). Но и находящиеся в наших хранилищах рукописи уже далеко не все по своему физическому состоянию могут быть непосредственно использованы всеми желающими ознакомиться с ними. С течением времени число таких ветхих единиц хранения увеличивается (см. [3]).

Публикация средневековых славянских и русских письменных источников приобрела у нас в стране массовый и даже в большой степени планомерный характер со времени учреждения в 1835 г. Археографической комиссии. Приблизительно за столетие своего существования Комиссия издала 24 тома полного собрания летописей, около 45 томов актовых материалов, 39 томов Русской исторической библиотеки, 6 томов новгородских писцовых книг, 16 выпусков Великих четых мшней, не говоря об издании отдельных памятников и иностранных источников по истории России (библиографию изданий Комиссии см. [4]).

Значительных размеров достигла издательская деятельность Общества истории и древностей российских при Московском университете особенно с того времени, как по инициативе О. Г. Бодянского стали с 1858 г. регулярно выходить ежегодные четыре книги «Чтений» Общества. Коли-

чество опубликованных здесь средневековых текстов исчисляется, вероятно, сотнями или тысячами.

В 1877 г. началось систематическая публикация памятников письменности в изданиях петербургского Общества любителей древней письменности. До 1917 г. вышло 137 выпусков ОЛДП и 191 выпуск издававшейся Обществом серии Памятников древней письменности (и искусства).

Немало славянских и русских текстов было опубликовано в «Древностях» — периодическом издании Славянской комиссии Московского археологического общества.

Несколько источниковедческих серий издавало Отделение русского языка и словесности. Например, только в серии «Памятники старославянского языка» с 1900 по 1922 г. вышли такие первостепенного значения тексты, как Саввина книга, Супрасльская рукопись, Чудовская и Синайская псалтыри, Листки Ундольского, Хиландарские, Пражские глаголические, Македонские и Охридские листки.

Перечислить вышедшие в эти же десятилетия внесерийные издания отдельных памятников письменности едва ли возможно. Публикацией текстов занимались многие крупнейшие представители русской науки — А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, И. В. Ягич, А. А. Шахматов, В. М. Истрин, М. Н. Сперанский и др.

Несмотря на этот исключительный размах издательской деятельности, выработанный в 1898 г. акад. М. И. Сухомлиновым и А. А. Шахматовым Проект издания собрания сочинений русских писателей XI—XVII вв. споткнулся в своем осуществлении прежде всего о источниковедческие трудности, т. е. отсутствие достаточно полной разработки рукописных источников и достаточного количества опубликованных текстов. Поэтому образованная для исполнения этого проекта Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы поставила своей первоочередной задачей обеспечение будущих работ библиографической и источниковедческой базой [5].

Однако в послереволюционные годы издательская деятельность в этой области источниковедения почти прекратилась и лишь тридцать лет назад получила новое продолжение в работах Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома (ИРЛИ АН СССР). Наибольшее количество публикаций, главным образом древнерусских исторических и литературных источников, появилось в «Трудах Отдела древнерусской литературы», в серии монографических исследований-изданий этого Отдела, в академической серии «Литературных памятников», в серии «Памятников литературы Древней Руси», публикуемой Отделом в издательстве «Художественная литература» (см. обзор этих изданий [6, 7]).

Сокращение объемов изданий, количества публикуемых текстов не говорит о исчерпанности материала. Единственную компенсацию количественной потери можно видеть в значительном повышении уровня текстологических исследований, достигнутого в последние десятилетия историками русской литературы. Положительный опыт был осмыслен и получил теоретическое закрепление в обобщающей книге акад. Д. С. Лихачева «Текстология» [4]. Но лингвисты в основном все еще далеки от серьезных занятий текстологией, довольствуясь изучением отдельных списков вне их связи с историей представляемого ими текста. Так возникает равнодушие к содержанию исследуемого текста, тогда как правильная интерпретация формальной стороны высказывания невозможна в отрыве от его содержания, и вопрос «Разумеешь, а же чтеши?» обращен

к каждому, кто разворачивает рукопись или книгу. Усилия, затраченные на текстологическое исследование и издание текста, сколь бы ни были они велики, окупаются очень быстро, и прежде всего филологической компетенцией самих издателей. Не исключено, что с нехваткой новых источников, доступных в обработанном, т. е. опубликованном виде, связано, с одной стороны, наблюдаемое в последние годы снижение интереса к вопросам исторической грамматики церковнославянского и русского языков, а с другой стороны, создание многочисленных, пестрых и взаимоисключающих концепций относительно природы литературно-письменного языка у восточных славян в эпоху средневековья.

Громадное большинство славянских и русских рукописей находится в хранилищах СССР, поэтому, естественно, должны разрабатываться усилиями отечественной филологии. В русских списках XI—XVII вв. содержатся не только русские оригинальные и переводные тексты, но почти все наследие старинной южнославянской и западнославянской письменности. Эти же рукописи содержат множество византийских сочинений, частью утраченных в их исконном греческом облике. По всему этому изучение и издание славянских рукописных богатств является интернациональным долгом нашей науки.

Возобновление планомерной и широко поставленной публикации источников требует, однако, известных предварительных условий. Прежде всего — это остро стоящая необходимость применения новой издательской техники. Рассчитывать на медленный и дорогой ручной набор теперь почти не приходится, нужно использовать те технические возможности, которые позволяют самому исследователю подготовить текст к изданию, оставив типографии лишь размножение тиража. Исключительное значение в связи с этим приобретает создание методики и программ подготовки критических изданий с помощью ЭВМ. Использование компьютера в свою очередь должно способствовать существенному повышению качества изданий в отношении точности передачи основного текста и систематической тождественности в подаче разночтений (см. в связи с этим материалы симпозиума по машинной текстологии и изданию текстов [8]).

Другим условием является приведение в известность во всей полноте наличных текстов, сохраняющихся в рукописных хранилищах. Работа по описанию рукописных собраний у нас в стране, можно сказать, началась с выполненного в 1842 г. А. Х. Востоковым описания Румянцевского музея. Спустя полтора столетия она еще далека от завершения. Большим событием в этой области стало издание «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI—XIII вв.)» (М., 1984), однако здесь описано всего 494 рукописи. Наибольшие трудности в источниковедческом отношении представляют собою многочисленные сборники XIV—XVII вв., содержащие в общей сложности сотни и тысячи отдельных произведений. Выявлению заключенных в них источников посвящена деятельность отдельных лиц (см., например [9]), хотя по важности задачи и трудности ее исполнения она может быть решена лишь коллективными усилиями по единому плану. Библиографический проект Н. К. Никольского, поставившего перед собой задачу полного охвата всех источников XI—XVII вв., до конца доведен не был, и призывы к его возобновлению [10] не услышаны. В известной степени, однако, с замыслом Н. К. Никольского связан «Словарь книжников и книжности Древней Руси (вып. I: XI — первая половина XIV в.)» (Л., 1987), издаваемый Отделом древнерусской литературы.

О приведении в известность всего актового материала XV—XVII вв. сейчас, к сожалению, не приходится еще мечтать.

Успешное возобновление издания источников в немалой степени может зависеть от обоснованной четкости выдвигаемых проектов. Едва ли в настоящее время целесообразно возвращаться к старому проекту, положенному в свое время в основу работы Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы [5]. Проект, для исполнения которого требуется участие десятков и сотен исследователей, немало десятилетий целенаправленного труда и исчерпывающий охват всего без исключения рукописного наследия XI—XVII вв., едва ли может долго служить вдохновляющим стимулом и выполняться на началах добровольного сотрудничества. К тому же деятельность Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, Сектора по изучению древнерусской литературы ИМЛИ и связанных с ними сотрудников других научных учреждений исподволь служит исполнению этого проекта, хотя и на несколько иных основаниях, чем это было задумано первоначально.

Естественно, что историки литературы уделяют внимание в основном оригинальным произведениям, громадное переводное наследие южных и восточных славян изучается теперь лишь эпизодически.

При начале деятельности Сектора лингвистического источниковедения Института русского языка АН СССР был назван довольно внушительный список источников по истории русского и церковнославянского языков, ожидающих своей публикации [11], некоторые из них в последующие десятилетия были изданы (Изборники 1073 и 1076 гг., Успенский сборник, Мстиславово евангелие, частная переписка начала XVIII в. и др.), но систематичности и общего плана деятельности Сектора не доставало, так что ни один сколько-нибудь малый круг источников исчерпан не был.

Из старых проектов отечественной науки наибольшей четкостью и безусловной полнотой отличался план издания славянской Библии, выработанный в свое время чл.-корр. Академии наук И. Е. Евсеевым. Созданная по его инициативе комиссия включила в свой состав весь цвет тогдашней русистики — Н. Н. Дурново, В. М. Истрина, Н. М. Каринского, А. В. Михайлова, А. С. Орлова, В. Н. Перетца, А. И. Соболевского, М. Н. Сперанского, А. А. Шахматова. Председателями комиссии в разное время являлись И. Е. Евсеев, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, В. М. Истрин, на ее деятельность были отпущены внушительные средства. Однако созданная в момент крутого исторического поворота, комиссия так и не смогла по-настоящему развернуть работу и фактически закончила свое существование со смертью ее энергичного организатора в 1921 г. Имеется немало причин, почему исполнение именно этого проекта представляется в настоящее время возможным и целесообразным.

Прежде всего это ясность самого проекта, безусловно связанная с достаточной определенностью материала, с которым в данном случае приходится иметь дело. В качестве библейских книг рассматриваются те произведения, которые включены в состав латинской Вульгаты или греческой Септуагинты, равно как в синодалные издания церковнославянской Библии, зависящей в своем составе от Геннадиевской библии 1499 г. Тем самым за рамками проекта оказываются неканонические тексты вроде Никодимова евангелия, ветхозаветные апокрифы типа Исторической пален, Исхода Моисея, Судов Соломона, гномические сочинения типа Менандра, нередко соседствовавшие в рукописных сбор-

никах XV—XVII вв. с каноническими текстами. Игнорирование этого материала, возможно, вступает в противоречие с требованиями историзма в подходе к определению предмета, но в данном случае следование избранному принципу находится в русле той литературной традиции, которая получила преобладающее распространение во всем христианском мире благодаря существовавшим средствам надзора за каноничностью текстов и состава св. Писания и которая была полностью усвоена историко-филологической наукой. Включение неканонических текстов в состав «народной Библии» славянского средневековья возможно было бы лишь в результате тщательного исследования вопроса, а это до сих пор не осуществлено.

Определенности материала способствует также его достаточно очевидное функциональное деление на три типа — тексты литургические, четвы и толковые.

И. Е. Евсеевым же была заложена источниковедческая основа работы: составленный им каталог славянских библейских рукописей Ветхого завета XI—XVII вв. включил в себя 4 145 номеров (ЛО Архива АН СССР, фонд 109, опись 1, № 2). Большая часть текстов, образующих библейский корпус, сохранилась в 30—50 списках, лишь для Псалтыри, Евангелия и Апостола цифры существенно больше и действительно создают немалые трудности для овладения материалом.

Прошедшие со времени выработки евсеевского проекта десятилетия не прошли даром. Во-первых, описано немало новых рукописей¹, ряд древнейших списков издан. Во-вторых, создана типологическая классификация списков Евангелия XI—XV вв. [13], которая позволяет разбираться в источниковедческой проблематике этого наиболее сложного в структурном отношении памятника и может быть применена к тождественной классификации списков Псалтыри, Апостола, Паримийника. В-третьих, развитие текстологических методов исследования позволяет по-новому подойти ко всей работе по этому проекту², можно надеяться даже на создание текстологической теории Евангелия и Псалтыри путем охвата основной массы списков и обработки материала на ЭВМ [19, 20]. Наконец, в настоящее время существует гораздо больше ясности относительно первых столетий бытования библейских текстов у славян, количества переводов отдельных книг, вклада разных славянских народов в дело перевода, переработки и переписки отдельных текстов, чем это было во времена И. Е. Евсеева (см., в частности [21, 22]), почему последний и вынужден был начать свои «Очерки» [23] с эпохи Геннадиевской Библии 1499 г.

Все издание славянской Библии должно быть разделено на две серии. Первая — основная — отводится для критического издания отдельных книг по совокупности списков с обоснованным выбором основного и дополнительного списков. Вторая серия — вспомогательная — включает в себя издания отдельных списков, имеющих особое значение в истории библейского текста (например, Геннадиевской Библии 1499 г. или бол-

¹ Небольшой по охвату материала, но удачно построенный каталог Р. Мэтьисена [12] может быть также полезен в работе.

² Даже И. Е. Евсеев плохо владел методами текстологии. В его издании книги Даниила [14] в разночтения 3-й редакции попал хронологически более ранний и вполне самостоятельный перевод толкований Ипполита Римского на эту книгу. Издатель Евангелия от Марка и части Апостола Г. А. Воскресенский [15, 16] не справился с текстологией первой и второй редакций этих текстов (см. критику М. Н. Сперанского [17] и И. Е. Евсеева [18]). Такого рода примеры легко умножить.

гарского списка первоветвистых книг XIV в., ГИБ, F I 461), сопутствующих книг (например, выпеназанных апокрифов) и исследований по общим и частным вопросам славянской библейской филологии.

Обращение в настоящее время к этому проекту назрело не только потому, что у него есть четкие теоретические, источниковедческие и эдичионные принципы, его исполнение важно во многих научных отношениях. Во-первых, при исчерпанности исторических свидетельств о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия новые данные могут быть получены лишь в ходе изучения сохранившихся рукописей, которые содержат их литературные труды, т. е. прежде всего библейские переводы. Во-вторых, библейские тексты в наибольшей полноте воплощают собою тип общеславянского письменного памятника: функционирование этого рода текстов, переход их из одного региона славянской письменности в другой, взаимодействие с другими текстами и местными литературными традициями дают незаменимый и единственный в своем роде материал для уяснения главных черт и особенностей письменной культуры славянского средневековья, научного описания общеславянского литературно-письменного языка за долгие столетия его существования. В-третьих, история переводческого дела у славян, история книжной образованности, приемы и принципы средневековой филологической науки не могут изучаться столь же успешно ни на каком ином материале, как по библейским текстам. В-четвертых, знание истории библейских текстов есть неперемное методологическое условие изучения средневековых литератур, поскольку цитаты из библейских книг являлись обязательным компонентом других текстов, формируя основу «этикетного стиля» и даже в известной мере принципы сюжетостроения; по библейским цитатам можно датировать и локализовать другие тексты, коль скоро известна текстологическая история тех библейских книг, откуда заимствованы цитаты. В-пятых, библейские тексты являлись воплощением языковой нормы своей эпохи и служили стабилизации нормы литературно-письменного языка в течение нескольких столетий от начала письменности до развития книгопечатания; ясно поэтому, что плодотворное изучение проблем славянских письменных языков средневековья должно опираться прежде всего на этот материал. Наконец, сами по себе библейские тексты дают ценный материал для исторической фонетики, грамматики, лексикологии старославянского, церковнославянского и всех славянских языков, для всех вопросов реконструкции доисторического языкового состояния, потому что среди рукописного наследия средневековья библейские рукописи самые древние и для некоторых периодов самые многочисленные лингвистические источники.

Короче говоря, выполнение этого проекта разрешит ряд важных вопросов славянской и русской исторической филологии и создаст предпосылки для правильной постановки и решения многих других вопросов. Выполнение этого проекта по его общеславянской значимости может стать общим делом международного сотрудничества ученых.

Необходимо также назвать еще две давно и настоятельно стоящие перед нашей наукой задачи.

Созданные в течение XVI в. три рукописных экземпляра Великих четых миней митрополита Макария представляют собою исключительное и уникальное явление славянской письменности. По своему замыслу и масштабу они стоят рядом с предпринятым позже грандиозным изданием болландистов «Acta Sanctorum», по своему духу они являются ярким выразителем «эпохи второго монументализма» (выражение акад.

Д. С. Лихачева), запечатленной также в Геннадиевской библии, Степенной книге и Лицевом летописном своде. Великие четьи минеи включают в себя весь корпус переводной и оригинальной славянской письменности за исключением летописи, практических юридических текстов и немногочисленной в ту эпоху светской беллетристики. Часть текстов вошла в них без каких-либо перемен в своем древнем языковом облике, большинство оригинальных русских житий подверглось языковой и стилистической обработке в стиле «плетения словес», почему этот корпус должен быть особенно тщательно изучен лингвистами как свидетельство последнего взлета церковнославянского языка накануне серьезных исторических перемен в России конца XVI — начала XVII в., приведших к изменению социолингвистической ситуации. Поскольку создатели Великих четьих минеи в ряде случаев пользовались весьма древними рукописями, не дошедшими до нас, а в других случаях создавали особые редакции текстов, обращение к этому источнику необходимо для исследователей подавляющего большинства славянских переводных и оригинальных произведений, даже если речь идет об относительно небольших по объему статьях. Это обстоятельство безусловно ставит под угрозу сохранность уникального памятника, так что издание его становится, с одной стороны, крайне необходимым для успешной работы в области источниковедения славянской и русской письменности, а с другой стороны, оказывается средством его физического спасения. В данном случае самой приемлемой во всех отношениях формой издания будет факсимильное воспроизведение наиболее полного по составу и сохранности Успенского комплекта Великих четьих минеи. Полезным приложением к нему явится фототипическое переиздание составленной в свое время росписи содержания [24], а также списка важнейших отличий Софийского и Царского комплектов.

Наконец, в изучении восточнославянской письменной культуры белым пятном остаются переводные тексты древней Киевской эпохи, и это несмотря на то, что краткий библиографический список их был впервые составлен А. И. Соболевским почти сто лет назад в 1893 г. [25] (ср. также [26]). Из почти сорока названных тогда А. И. Соболевским текстов было изучено и критически издано совсем немного: Александрия, История иудейской войны Иосифа Флавия, Есфирь, Песнь песней с толкованиями, Девгениево деяние, Повесть об Акире. До сих пор не подверглись изучению на основе всей рукописной традиции и не получили критических изданий такие значительные по объему, разнообразные по языку и стилистическим ресурсам произведения, как Житие Андрея Юродивого, Пандекты Никона Черногорца, Христианская топография Козьмы Индикоплова, Толкования Никиты Ираклийского на слова Григория Богослова, Хроника Георгия Синкелла, Студийский устав, Пролог, а также два с лишним десятка меньших по объему памятников. Не вызывает сомнений, что исследование текстов, отнесенных А. И. Соболевским к русским переводам, внесет большие перемены в наши знания о письменной культуре Древней Руси. Пока не выполнена эта работа, справедливыми останутся слова акад. Н. К. Никольского, что история древнерусской письменности строится нами с крыши, «т. е. с обобщений, основанных на недостаточном количестве отдельных наблюдений, и с применения к ним предвзятых идей и заимствованных схем» [5, с. 3].

Отсутствие планомерной деятельности по изданию исторических источников славянской и русской письменности и языка, вероятно, может быть объяснено целым рядом причин. Безусловно господствующий сейчас

живой интерес к объяснению исторических феноменов, к истолкованию основных культурных ценностей прошлого, к созданию теоретических концепций всего хода исторического развития языка, литературы, культуры возник как попытка преодолеть болезненно ощущаемый разрыв исторической непрерывности. Однако долго идти по этому пути нельзя, ибо он неизбежно приводит к искажению прошлого, либо модернизируя его, либо приписывая ему свойства, полярно противоположные современной действительности. Сохранение уравновешенного исторического подхода в немалой степени связано с непосредственным изучением всего разнообразия источников, а сама возможность реконструкции системы ценностей известной исторической эпохи обусловлена, с одной стороны, изучением каждого ее элемента в его динамике, процессе становления, а с другой, предельной полнотой источников, освещенных с позиции историзма. Сложность овладения историческим материалом передко приводит исследователя к сознанию того, что для истолкования тех или иных явлений нужны дополнительные разыскания в источниках. Осознание пробелов в знаниях становится не менее мощным рычагом научного прогресса, чем индуктивные концепции.

В заключение необходимо сказать несколько слов по организационному вопросу.

Диссертации, т. е. исследования, создаваемые в качестве квалификационных сочинений, все еще являются основным путем научного развития в сфере историко-филологических дисциплин. Положение дел в изучении и издании текстов может измениться лишь в том случае, если лингвистические и филологические исследования источников в качестве кандидатских и даже докторских диссертаций получают более широкое распространение, чем это принято теперь. Вместе с тем желательно изменить существующие планы источниковедческой работы гуманитарных академических учреждений, отведя в них большее место изданию источников. Для координации работ по планомерной публикации источников (скажем, в виде очерченных здесь кратко проектов) необходимо, по всей вероятности, создание особого совета при Отделении литературы и языка или при Комитете славистов. На этот совет должны быть возложены обязанности по окончательной выработке и утверждению издательских планов, по изысканию средств на издания (в ряде случаев путем обращения к различным общественным организациям), надзор за научным уровнем публикаций. Труд по изданию текстов крайне сложен, требует большой механической однообразной работы, здесь для успеха необходима личная заинтересованность публикаторов (в виде гонорара, диссертации и т. п.). Это создаст условия и для более строгих требований к уровню публикаций.

Научные силы нескольких гуманитарных институтов Академии наук, университетов, других научных учреждений и обществ в настоящее время достаточно многочисленны и вполне подготовлены к тому, чтобы справиться с задачами, выдвигаемыми ходом развития славяноведения и рустистики на первый план.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лихачев Д. С.* Текстология: на материале русской литературы XI—XVII веков. 2-е изд. перераб. и испр. Л., 1983.
2. *Жуковская Л. П.* Научное факсимильное издание древних рукописей // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981.
3. *Эрастов Д. П.* Факсимильное издание — косвенный путь повышения физической сохранности рукописных памятников // Проблемы научного описания рукописей

- и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981.
4. Библиографический указатель изданий Археографической комиссии. 1836—1936. / Сост. Смирнова А. П., Тутова А. Ф., Цеханович А. А. Л., 1985.
  5. *Никольский Н. К.* Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929.
  6. *Дмитриев Л. А.* Обзор изданий памятников древнерусской литературы (1917—1978) // Русская литература. 1979. № 1.
  7. *Творозов О. В.* «Трудам Отдела древнерусской литературы» — пятьдесят лет // ТОДРЛ. 1985. Т. 40.
  8. La pratique des ordinateurs dans la critique des textes. Paris, 29—31 mars, 1978. P., 1979.
  9. *Творозов О. В.* Древнерусская книжность XI—XIII веков (о каталоге памятников) // Духовная культура славянских народов: литература, фольклор, история. Л., 1983.
  10. *Адрианова-Перетц В. П.* Картотека Н. К. Никольского // ВЯ. 1961. № 1.
  11. *Котков С. И., Жуковская Л. П.* О публикации памятников русского языка и письменности // ВЯ. 1960. № 4.
  12. *Mathiesen R.* Handlist of manuscripts containing Church Slavonic translations from the Old Testament // Polata knjigopisnaja. 1983. N 7.
  13. *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
  14. *Есеев И. Е.* Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.
  15. *Воскресенский Г. А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1896.
  16. *Воскресенский Г. А.* Послания св. апостола Павла. Сергиев Посад, 1892—1908.
  17. *Сперанский М. Н.* // Записки Академии наук. 1899. Т. 3. № 5. Рец. на кн.: *Воскресенский Г. А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI—XVI вв. М., 1896.
  18. *Есеев И. Е.* // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Академией наук. Пг., 1915. Рец. на кн.: *Воскресенский Г. А.* Послания св. апостола Павла.
  19. *Алексеев А. А.* Проект текстологического исследования кирилло-мефодиевского перевода Евангелия // Советское славяноведение. 1985. № 1.
  20. *Алексеев А. А.* Опыт текстологического анализа славянского Евангелия (по спискам из библиотек Болгарии) // Старобългаристика. 1986. № 3.
  21. *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978.
  22. *Алексеев А. А.* Кирилло-мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (переводы св. Писания в славянской письменности) // Славяноведение. Археология. Фольклор. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.): Докл. советской делегации. М., 1988.
  23. *Есеев И. Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Пг., 1916.
  24. *Иосиф*, архим. Подробное оглавление Великих четних миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриархии (ныне Синодальной библиотеке). М., 1892.
  25. *Соболевский А. И.* Особенности русских переводов домонгольского периода // *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980.
  26. *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.